

УДК 9.94

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА
КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА****А.В. ВОЛЫНЕЦ***(Белорусский государственный университет)*

Рассмотрены основные тенденции в историографии научного изучения Ветхого Завета. Исследовательские подходы коррелируют с общими тенденциями развития гуманитарной науки. В основу смены исследовательских парадигм положено применение новых методов исследования. В основу научного изучения Ветхого завета Библии в европейской науке положен историко-критический метод, классические труды Ю. Велльгаузена. Исследованы новые направления историко-критической школы: анализ жанров, анализ традиций, анализ «истории редактуры», представленные учеными начала-середины XX в. Мощным стимулом к дальнейшему развитию библеистики в XX в. стало сравнение ветхозаветной культуры с египетской и месопотамской, а затем и хеттской, и угаритской. Показано, что в мировой и отечественной историографии интерес к научному изучению Ветхого завета не угасает. Это связано как с общими тенденциями развития гуманитарной науки, так и с активным привлечением новых методов, источников и исследовательских подходов в библеистике.

Введение. Историография научного изучения Ветхого Завета сама по себе может быть предметом исследования. Каждое поколение ученых имело свои особенности изучения этих священных для иудаизма и христианства текстов. Однако, несмотря на уже накопившийся массив научной литературы, каждая новая работа привносит нечто новое.

Основная часть. Целью данной статьи является определение основных тенденций изучения Ветхого Завета. Для этого будут рассмотрены историографические тенденции в западноевропейской, американской и российской библеистике: дореволюционной и современной, тенденции советской историографии и, наконец, ветхозаветные исследования в Республике Беларусь.

Долгое время считалось, что информация, данная в Ветхом Завете полностью достоверна. Этот традиционный подход был основан на представлении о божественном (боговдохновенном) происхождении библейского текста. Он исходит из того, что священный текст «всегда прав» и является тем, за что себя выдает (или выдает его традиция: предполагалось, например, что весь текст Пятикнижия был дан Богом Моисею на Синае, хотя в самом тексте Пятикнижия об этом ничего не говорится).

В основу научного изучения Ветхого завета Библии в европейской науке лег историко-критический метод. Он зародился в протестантской Германии, что неудивительно. Глубинный импульс Реформации – прорваться сквозь напластования позднейших (а значит «искаженных») традиций к подлинным словам Иисуса, апостолов, пророков и Моисея. Отличительная черта историко-критического метода – взгляд на библейский текст прежде всего как на своего рода «окно» в историю Израиля. Текст являлся свидетельством, а не «миром в себе». Поэтому классические труды Ю. Велльгаузена, которые легли в основу историко-критических исследований Ветхого Завета в XIX в., носили название «Введение в историю Израиля» (1878) [1] и «История Израиля и Иудеи» (1894) [2]. На этом этапе ученые сконцентрировались на критике источников, т.е. восстановлении предыстории текстов Ветхого Завета (в особенности Пятикнижия) [3, с. 12].

Самой известной попыткой такой реконструкции является «гипотеза четырех источников» Ю. Велльгаузена, ставшая классической. Согласно этой гипотезе, Пятикнижие есть результат сведения воедино четырех более ранних источников: Второзаконие (кроме глав 31–34), «Яхвист» (J), «Элохист» (E) и «Священнический кодекс» (P). Три последних переплетены между собой в книгах Бытие, Исход и Числа. Неоднородность Пятикнижия была подмечена давно, Велльгаузен же установил относительную хронологию этих источников: сначала «Яхвист» (ок. 870 г. до н.э.), затем «Элохист» (770 г. до н.э.), Второзаконие (621 г. до н.э.), «Священнический кодекс» (конец VI – начало V вв. до н.э.), и около 450 г. до н.э. эти источники были объединены в известное нам Пятикнижие (до Велльгаузена древнейшим и входящим напрямую к Моисею считался «Священнический кодекс») [3, с. 13].

Работы Велльгаузена давали не только датировки и реконструкцию общей канвы древнеизраильской истории, но также картины религиозной жизни и достаточно эмоциональные и романтические оценки разных этапов духовной истории Израиля. Это была не просто фактологическая, позитивистская история еврейской религии, но также и философия истории еврейской религии [3, с. 14–15].

Были еще попытки разложить предложенные Велльгаузенем источники на «протоисточники», но эти изыскания оказались неубедительными, и к началу XX века мода на поиски «происточников» стала спадать. Тем не менее, гипотеза Велльгаузена еще долгое время оставалась аксиомой историко-критических исследований [3, с. 15].

Мощным стимулом к дальнейшему развитию библеистики в XX в. стало сравнение ветхозаветной культуры с египетской и месопотамской, а затем и хеттской и угаритской. Расшифровка целого ряда систем древневосточных письменностей позволили совершенно по-новому посмотреть на ветхозаветные тексты, которые долгое время были одними из основных источников по истории Древнего Ближнего Востока.

Новым толчком к развитию историко-критических исследований стало предположение, что библейские тексты могли, до их письменной фиксации, столетиями бытовать в устной форме. Но если так, то кем они передавались, как и почему? Из попыток ответить на эти вопросы родилось новое направление историко-критической школы: анализ жанров (*Gattungsforschung*), основателем которого был Г. Гункель (1862–1932). Ученые начала-середины XX в. пытались выделить в библейских текстах традиции, связанные с определенными святилищами или религиозными школами (такие исследования получили название анализа традиций – *Traditiongeschichte*, *Ueberlieferungsgeschichte*). Это время также отмечено множеством попыток восстановить политические и религиозные учреждения допленной эпохи. Кроме того, придя к выводу, что процесс формирования библейского текста из первоисточников не был чисто механическим, анализ жанров и традиций был дополнен анализом «истории редактуры» (*Redactiongeschichte*) [3, с. 16].

Исторические и историко-географические исследования периодов объединенного и разделенных царств, а также ранний период эпохи Второго Храма в основном базировались на тексте Ветхого завета. Несмотря на то что исследователи понимали необходимость критического подхода к тексту и разрешения его внутренних противоречий, большинство из них исходило из предположения, что библейский текст – это надежный источник, из которого можно черпать достоверную информацию как об отдельных событиях, так и об исторических процессах. Зачастую исторические исследования представляли парافразу библейского текста. Персидскому же периоду вообще не уделялось значительного внимания, и его история сводилась к пересказу книги Эзры–Нехемьи.

Таким образом, к середине века казалось, что важнейшие вещи прояснены, гипотезы стали общепринятыми фактами.

Однако консенсус распался в 1960–1980 годы. Важнейшие тексты Пятикнижия были передатированы и, как следствие, многие реконструкции истории и религии Древнего Израиля потеряли научную основу. И пусть новые датировки не получили такого признания как документальная гипотеза Велльгаузена, но они напомнили насколько зыбкой является вся реконструкция предыстории библейских текстов, и как многое в результатах исследования зависит от мировоззрения исследователя. Велльгаузен отнес лучшие страницы Еврейской Библии к эпохе политического могущества еврейского царства. Не было ли это отражением тогдашней веры в естественную связь культурного расцвета с политическим могуществом державы. Современные же историки датируют те же страницы годами плена и послевоенного унижения. Не есть ли это результат того, что политические убеждения европейской интеллигенции претерпели за трагический XX век полную метаморфозу [3, с. 19–20]?

«Смена парадигм» в европейской гуманитарной науке. В литературоведении на смену «диахроническому» подходу к литературе (т.е. внимание к автору и окружающей его среде), приходит так называемое «новое литературоведение» (*New Literary Criticism*). В истории религии это приводит к интересу живыми традициями – позднеантичным, средневековым, современным, вместо навязчивого поиска «подлинных слоев» и презрения к «позднейшим напластованиям». Это привело к появлению новых школ библейской науки, для которых являлось общим их «синхронная» направленность: не важно как текст возник, а как он живет [3, с. 20].

Сейчас исследования ведутся в двух основных руслах. С одной стороны, это как можно более детальный анализ библейского текста, как можно более глубокая его интерпретация и детализация [4; 5; 6; 7]. С другой же стороны, поиск внебиблейских параллелей, активное привлечение археологического материала [8; 9], изучение общеисторического контекста [10; 11] и использование методов и достижений других гуманитарных наук [12]. Кроме того, была проведена фундаментальная работа по составлению различных словарей библейского иврита. Классическими стали неоднократно переизданные словари Стронга [13] и Гезениуса [14]. Но действительно фундаментальным является Еврейский и арамейский словарь к Ветхому Завету (*Hebräisches und aramäisches lexikon zum Alten Testament*) в 5 томах, который издавался в Ляйдене с 1967 по 1995 гг. [15].

Представлено в историографии и направление гиперкритицизма. Вплоть до того, что ставится под сомнение сама целесообразность изучения Библии и Ветхого завета, в частности. Так в 2007 году вышла книга американского исследователя, профессора Университета штата Айова Гектора Авалоса (*Nector Avalos*) «Конец библейских исследований» [16]. В своей книге профессор Авалос утверждает, что следует прекратить библейские исследования в том виде, в каком они существуют сейчас.

Он приводит два основных аргумента в пользу своей радикальной и парадоксальной позиции. Во-первых, библейской академической науке явно удалось показать, что цивилизация, породившая Библию, имела представления о природе и человеке, которые принципиально отличаются от представлений со-

временного человеческого общества. Библия, таким образом, по большому счету не имеет отношения к потребностям и проблемам современных людей.

Во-вторых, Авалос критикует своих коллег за применение различных некорректных и благовидных методов, направленных на поддержание иллюзии, что Библия по-прежнему актуальна в современном мире. В сущности, он обвиняет свою профессию, в том, что библеисты более обеспокоены самосохранением, чем в предоставлении честного отчета перед широкой общественностью о собственных выводах.

Разделив свое исследование на две части, Авалос сначала рассматривает основные поддисциплины библейских исследований (текстология, археология, историческая критика, литературоведение, библейское богословие и переводы) и показывает, что они по-прежнему находятся под религиозным влиянием, несмотря на то, что всячески подчеркивается независимость и объективность суждений. Во второй части он сосредотачивается на инфраструктуре, которая поддерживает академические библейские исследования. Эта инфраструктура включает академическую часть (государственные и частные университеты и колледжи), церкви, СМИ и издательства, а также профессиональные организации, такие как общества библейской литературы и т.п. Все эти структуры порождают огромное количество научной литературы. Современный исследователь теперь просто физически не в состоянии охватить весь спектр литературы даже по самому частному вопросу библеистики. В том числе потому, что все сферы библейских исследований теснейшим образом связаны.

Все это приводит Авалоса к утверждению, что в наше время лучше оставить Библию как пережиток древней цивилизации, и не использовать ее как «живой» документ, согласно мнению наиболее религиозных ученых. Он призывает своих коллег сосредоточиться на воспитании общества в целом и признать неуместность и даже жестокие последствия Библии в современной жизни.

Дореволюционная российская историография находилась в русле европейской, в основном немецкой школы. Впрочем, российская наука неохотно принимала критику библейского текста не духовными лицами. Так, например, церковно-исторические сочинения Лескова и богословские Хомякова, Достоевского и Толстого не встретили благоприятного приема [17, с. 10].

Впрочем, были достойные исторические научные работы, посвященные истории иудеев в послевоенный период. Прежде всего это труд В.Д. Попова «Возвращение иудеев из плена вавилонского и первые годы их жизни в Палестине до прибытия Ездры в Иерусалим (458 г.)» [18]. Во введении к своей работе В.Д. Попов обозначает задачу и метод исследования следующим образом: «... нашу задачу можно определить как посильное связно восстановление послевоенного периода с момента возвращения иудеев до прихода Ездры в Иерусалим на строго-критическом исследовании частных свидетельств источников... главный метод нашей работы метод историко-критический» [18, с. XX]. Критикуя своих западных коллег, Попов настаивал на цельности и неповрежденности главного источника по истории раннего персидского периода книги Эзры. В то же время он признавал, что главной проблемой является хронология событий и фрагментарность и краткость сведений [18, с. XV-XVI]. Автор предпринимает попытку доказать с научной точки зрения историческую ценность, правдивость и фундаментальную истинность библейского текста. Можно сказать, что в работе В.Д. Попова сочетались два подхода к тексту: традиционный и историко-критический. Он пытался при помощи научного метода обосновать традиционный религиозный взгляд на текст Ветхого Завета как на источник достоверных знаний о прошлом.

Работа М.Э. Пособова «Иудейство: к характеристике жизни иудейского народа в послевоенный период» [19] охватывает более широкое проблемное поле: религиозную историю от возвращения из Вавилона до времени Иисуса Христа. В развитии религиозной жизни иудейского общества он находит предпосылки возникновения христианства. Собственно, это и является главной причиной интереса автора к истории иудейства.

С установлением советской власти библейские исследования стали неуместными, только если это не была атеистическая пропаганда. Изучение Ветхого Завета – одна из тех областей гуманитарного знания, которая была практически искоренена за годы советской власти. Библеистика воспринималась как «враждебная идеология», а изучение еврейского языка само по себе в 70–80 гг. преследовалось по закону.

Лишь немногим ученым удалось отстоять право на занятия историей и религией Древнего Израиля. Единственный раздел гебраистики, где в советской науке сложилась научная школа, – это кумрановедение, представленное такими ленинградскими учеными как И.Д. Амусин, К.Б. Старкова, М.М. Елизарова, в том числе, белорусским ученым Г.М. Лившицем (о нем будет речь ниже). (Видимо, огромный интерес к Кумрану на Западе заставил тогдашних руководителей советской науки отнести кумрановедение к разряду «проходных» тем).

Получили мировое признание, но остались практически недоступными для обычного советского читателя статьи И.П. Вейнберга по истории Иерусалима персидского времени и библейским книгам Паралипоменон. Большая их часть выходила в Германии на немецком языке, лишь меньшая часть порусски и преимущественно в ереванских и тбилисских научных сборниках. Его докторская диссертация

называлась «Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы» (Тбилиси, 1973) [3, с. 9]. В этой работе он сформулировал концепцию существования в персидской Иудее гражданско-храмовой общины (данный термин применительно к иудейской общине в Палестине предложил и обосновал именно он). Одним из главных тезисов концепции Вейнберга является утверждение, что гражданско-храмовая община в Палестине не была уникальным явлением для Древнего Ближнего Востока, поэтому недостаток источников по ее истории можно восполнить посредством изучения подобных общин в Малой Азии, Месопотамии и т.д. Эта концепция получила широкое распространение и признание в историографии и, хотя не бесспорна, имеет право на существование. Лишь с началом перестройки вышла книга, посвященная мировоззрению человека древности – «Человек в культуре древнего Ближнего Востока» (М., 1986) и, уже накануне его отъезда в Израиль, – «Рождение истории» (М., 1993) о ближневосточном историописании.

Основателем белорусской школы исследователей античного христианства, истории религии следует назвать Гилера Марковича Лившица (1909–1983). Сферами научных интересов Г.М. Лившица были история Римской республики, история римской Иудеи, раннего христианства, история свободомыслия и научного атеизма, но мировую известность и признание ему принесли работы, посвященные рукописи Мертвого моря. Его книги «Кумранские рукописи» и «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» стали классикой. Его выводы о принадлежности кумранитов к ессеистам и связи этой секты с первоначальным христианством впоследствии стали господствующими в кумрановедении. Еще одной из самых известных монографий Г.М. Лившица являлись «Очерки историографии Библии и раннего христианства» [20, с. 4–6]. Гилер Маркович, являясь не только замечательным ученым, но и педагогом, подготовил целую плеяду видных ученых, работы которых стали основой суверенного белорусского антиковедения, медиевистики и в том числе востоковедения и библеистики.

В Республике Беларусь в 2001 году, под руководством ученика Лившица В.А. Федосика [20, с. 177], была защищена кандидатская диссертация Мазарчука Дмитрия Валерьевича по теме «Идеология иудейской общины в Палестине в персидский период», где автор приходит к выводу, что в иудейской общине существовали два идеологических направления: монархическое и теократическое. Последнее впоследствии вышло на первый план. На сегодняшний день это единственная диссертация, посвященная истории Иудеи ветхозаветного периода, которая была защищена в Республике Беларусь с 1991 года. Можно отметить, что интерес к библейской истории у белорусских исследователей растет. Так появляются отдельные работы сотрудников Института теологии БГУ, гуманитарного факультета БГУ. Целая школа новозаветных исследований сложилась на историческом факультете БГУ.

Заключение. Представленный краткий очерк историографических тенденций показывает, что как и в мировой, так и в отечественной историографии интерес к научному изучению Ветхого завета не угасает. Это связано как с общими тенденциями развития гуманитарной науки, так и с активным привлечением новых методов, источников и исследовательских подходов в библеистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wellhausen, J. Prolegomena zur Geschichte Israels / J. Wellhausen. – Reimer, Berlin, 1878.
2. Wellhausen, J. Israelitische und Jüdische Geschichte / J. Wellhausen. – Reimer, Berlin, 1894.
3. Селезнев, М.Г. Вместо предисловия. / М.Г. Селезнев // Библейские исследования : сб. ст. / сост. Б. Шварц. – М., 1997.
4. Мазарчук, Д.В. Источники книг Эзры и Нехемьи (текстовые блоки и их происхождение) / Д.В. Мазарчук // Вестник БДУ. Сер. 3. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права. – 2001. – №2. – С. 20–25.
5. Grabbe, L.L. Judaic religion in the second Temple period. Belief and practice from the Exile to Yavneh / L.L. Grabbe. – London-New York : Taylor & Francis e-Library, 2000. – 424 p.
6. Halligan, J.M. Nehemiah 5: By Way of a Response to Hoglund and Smith / J. M. Halligan // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117/ ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 143–153.
7. Grabbe, L.L. Reconstructing History from the Book of Ezra / L.L. Grabbe // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 98–107.
8. Вейнберг, И.П. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI–IV вв. до н.э. / И.П. Вейнберг // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). – Ер., 1973. – С. 149–161.
9. Blenkinsopp, J. Temple and Society in Achaemenid Judah / J. Blenkinsopp // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 22–53.
10. Cambridge History of Judaism. – Cambridge : Cambridge University Press», 1984. – Vol. 1 : Introduction; Persian Period. – 453 P.
11. Hoglund, K. The Achaemenid Context / K. Hoglund // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 54–72.

12. Smith, D.L. The Politic of Ezra: Sociological Indicators of Postexilic Judean Society / D.L. Smith // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffild. 1991. – P. 73–97.
13. Strong's Hebrew Dictionary by James Strong. AGES Software Albany, OR USA Version 1.0 © 1999. – 789 p.
14. Genesis, H.W. F. Genesis' Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament / H.W. Genesis. – USA, 1996. – 919 p.
15. Hebräisches und aramäisches lexikon zum Alten Testament. – Leiden, New York, Köln, 1967 – 1995. – L. 5.
16. Avalos, H. The End of Biblical Studies / H. Avalos. – Prometheus Books, Publishers, 2007. – 399 p.
17. Алексеев, А.А. Библейские исследования в России в XIX и XX вв. / А.А. Алексеев // Вестн. ПГСТУ. Сер. III. Филология. – 2014. – Вып. 1 (36). – С. 9–28.
18. Попов, В.Д. Возвращение иудеев из плена вавилонского и первые годы их жизни в Палестине до прибытия Ездры в Иерусалим (458 г.) / В.Д. Попов. – Киев : Типография И.И. Горбунова, Крещатик, 38, 1905. – 420 с.
19. Поснов, М.Э. Иудейство: к характеристике жизни иудейского народа в послевоенный период / В.Д. Попов. – Киев, Типография И.И. Горбунова, Крещатик, 38, 1906.
20. Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В.А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – 192 с..

Поступила 17.02.2015

HISTORIOGRAPHICAL TRENDS IN THE STUDY OF THE OLD TESTAMENT AS A HISTORICAL SOURCE

H. VALYNETS

This article discusses the main trends in the historiography of the scientific study of the Old Testament. Research approaches correlate with the general trends of the humanities. At the heart of research paradigms change was the use of new methods of research. The basis of the scientific study of the Old Testament of the Bible in European science went to the historical-critical method, the classic works of J. Wellhausen. Scientists at the beginning-middle of XX century presented new directions historical-critical school: analysis of genres, traditions analysis, an analysis of "the history of editing." A powerful incentive for the further development of Biblical Studies in the XX century was to compare the Old Testament culture with Egyptian and Mesopotamian and then Hittite and Ugaritic. In the global and national historiography interest in the scientific study of the Old Testament is not quenched. This is due both to the general trends of the humanities, and with the active involvement of new methods, sources and research approaches in biblical studies.